А
П-71
72

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

Проблемная группа по экспериментальной
и прикладной лингвистике

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Выпуск 72

А. В. СУПЕРАНСКАЯ

ЯЗЫК И ДЕТИ

Москва — 1975

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Выпуск 72

А.В.Суперанская.

ЯЗЫК И ДЕТИ

Москва - 1975

А
П-71 72
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
70331

Лет десять тому назад А.А.Реформатский предложил мне эту тему не для специальной разработки (поскольку ей посвящено не мало исследований)[1], но для обдумывания. Наблюдая своих и чужих детей, прислушиваясь к произносимым ими звукам, я записывала наиболее интересное. Ниже собранный материал группируется по разделам фонетика, морфология, семантика.

Фонетика

Как отмечает А.А.Леонтьев[2], ребенок[3], приступая к усвоению языка, сталкивается только с фактами и постепенно реконструирует систему языка. Константным в течение всего процесса усвоения остается языковый знак в единстве двух аспектов – физического и семантического, то есть на всех ступенях усвоения родного языка ребенок имеет дело со звуковым (акустико-артикуляторным) образом, выступающим в специализированной функции.

Следует сразу же отметить, что в период овладения ребенком навыками речи фонетике принадлежит особое, ведущее место. Без нее знакомство ребенка с окружающим миром было бы затруднено и замедленно в десятки раз. А поскольку ребенок еще не владеет фонологией, факты, которые он усваивает, преломляются у него особым образом. У него отсутствуют фонемы как опосредствующий ярус и все связи звуковой стороны со значением осуществляются непосредственно: звук – морфема, звуковой облик – семантика. Из-за отсутствия фонемного уровня как осуществляющего контроль, в процессе овладения навыками речи ребенок может пойти по неверному

---

[1] Отметим прежде всего работу А.Н.Гвоздева. Вопросы изучения детской речи. М., 1961. На ряд других работ будут ссылки в соответствующих местах.

[2] А.А.Леонтьев. Слово в речевой деятельности. Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. М., 1955, стр. 83-84.

[3] Обычно придерживаются следующей периодизации развития детской речи: 1) доречевой период, разделяемый в свою очередь на период гуления (от 2 до 5 мес.) и лепета (от 5 до 11 мес.); 2) первичного освоения языка (от 11 мес. до конца второго года); 3) этап усвоения грамматики.

пути, в результате чего некоторое время в его речи держутся особые подсистемы средств выражения.

Н.Х.Швачкин, как и Р.Якобсон склонны говорить о "фонематической значимости" звуков речи годовалого ребенка. А.А.Леонтьев[4], не соглашаясь с ними, называет этот возраст периодом синтагматической фонетики, при которой значима акцентная модель при усвоении новых слов, характерно стремление воспроизвести общий звуковой облик слова, зачастую в ущерб роли в нем отдельных звуков и наблюдается большая лабильность "звукового наполнения" слова в определенных, предоставляемых его общим обликом, пределах. Что касается собственно фонологической, различительной функции отдельных звуков, то она в этот период совершенно не проявляется. Для синтагматической фонетики характерна также тенденция к унификации звукового облика слова, которая наиболее заметно проявляется в уподоблении всех согласных слова по месту образования. В результате чего ряд сходных слов "взрослой" речи получает в устах ребенка совершенно одинаковое звучание - первоначальные омонимы.

Правильное усвоение речевых навыков невозможно без контроля. Сначала в роли "контролирующего механизма" выступает взрослый, затем у ребенка формируется внутренний эталон, в пределах которого может варьироваться как акустическая, так и артикуляторная реализация звучания. Логично предположить, - пишет А.А.Леонтьев, - что фонемы и представляют собой эти конечные состояния, отобранные и запомненные для обработки речевого сигнала на следующих этапах распознавания. Но артикуляторные образы, возникающие при имитации, не являются образами фонем; звуки промежуточные, неопределенные в отношении фонемной классификации, вызывают также промежуточные артикуляторные образы. Поэтому в качестве эталона выступают не отдельные образы или "фонемы", а последовательности их, соответствующие основным словам[5].

---

[4] А.А.Леонтьев. Указ. соч., стр. 91-92; R.Jakobson. Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesätze. - Selected writings. I. Phonological Studies". 's Gravenhage. 1962 ; Н.Х.Швачкин. Развитие фонематического восприятия в раннем возрасте. Изв. АПН РСФСР, вып. 13. - "Вопросы психологии восприятия и мышления". Труды ин-та психологии. М.-Л., 1948, стр. 103.

[5] А.А.Леонтьев. Указ. соч., стр. 125; Л.А.Чистович. Текущее распознавание речи человеком. - "Машинный перевод и прикладная лингвистика", вып. 7, М., 1962, стр. 10.

Представляется, что фонемный уровень (в московским понимании термина фонема) достигается ребенком только к периоду сознательного овладения грамотой, когда он начинает анализировать факты языка (6–10 лет)[6]. Одним из доказательств этого служит то, что на первых порах обучения грамоте дети с трудом расчленяют знакомые им слова на звуки (фонемы), а при письме часто пропускают гласные. Процесс овладения структурой слова протекает у разных детей очень неравномерно. Так, Миша С. постиг его уже к 4-м годам, когда стал складывать из букв слова. Первое, сложенное им слово было звуковым: "мидет" – так слышал он слово медведь. Ему объяснили ошибку и показали, как складывать правильно. Он мгновенно понял. Его восприятие слов стало настолько очевидно фонематичным, что он сразу стал писать без ошибок, а в 8 лет – находить опечатки в книгах и газетах. В 4,5 г., прочитав на машине надпись "Скорая медицинская помощь", он заплакал: – зачем написали мягкий знак?

Совсем иначе овладение фонемой шло у Люды С. Она и в 6 лет с трудом расчленяла слово на звуки (фонемы), с трудом отделяла гласные от согласных, а, начав школьное обучение, постоянно выпускала гласные и писала всн – весна, мрз – мороз и т.д. Плохо у нее шло и овладение чтением: она начинала чтение с середины слова, обычно со второго согласного, потом читала от него к началу, а затем к концу. Так что, вместо бошел, у нее получалось шовел, вместо восход – сохход и т.д. Сложна для нее оказалась и линейная последовательность то и от, он и но – были постоянными ее ошибками.

Таким образом, анализируя детскую речь, мы будем иметь дело не с фонематикой, а главным образом с фонетикой.

Вслед за А.А.Леонтьевым, звуковые проявления периода гуления мы не будем относить к "закономерному звену усвоения фонетики", а будем считать их лишь пробой ребенком своих сил, своеобразной тренировкой. Однако сама по себе эта тренировка представляет интерес. А.А.Леонтьев отмечает нелокализованность и крайнюю неопределенность артикуляций этого периода. Я очень тщательно вслушивалась в издаваемые детьми в это время звуки, но записать мне удалось очень

---

[6] Но в таком случае малограмотные взрослые, видимо, также не вполне владеют системой фонем (в трактовке Московской школы), хотя в ленинградском понимании этого термина, – владеют, что служит лишним доказательством социальной значимости звуковой материи. Ср. А.А.Леонтьев. Указ. соч., стр. 232.

немногое; а главное, почти не было звуков, повторяющихся постоянно на протяжение более или менее длительного времени. Так у Миши С. в 1 мес. появилась более или менее определенная артикуляция ляй! (когда он чего-либо требовал), но вскоре исчезла. Заметим, что и плакал он, чаще всего повторяя звучание ля! ля! В 1,5 мес. он отчетливо выкрикивал а-аа; в 2 мес. - дрюнь! - реакция на неприятные вещи; в 7 мес. прррку (с билабиальной артикуляцией), аляля, для-для́, па-па, брым-брым. У Люды С. к таким произвольным звукам относились лишь а-а! и хля! (так она плакала и "говорила" с сильным фарингальным сужением и преградой в области образования л), а также ма! с 5 мес. она сознательно повторяла все, что произносил ее полуторагодовалый брат: да, дя́дя и т.д. (см. ниже), но не связывала эти звуки с каким-либо значением.

Таким образом первые звуки ребенка действительно иррелевантны звуковому составу какого-либо определенного языка. Среди них есть и такие, которые не свойственны его родному языку: глухое l у Люды, р у Миши, которое звучало у него и после года в псевдослове га-га. Губно-губное пр. он употреблял и в 3 года: большой-прюбольшой.

Около 6 мес. у ребенка появляется некий эквивалент слова, который может состоять из нескольких слогов и быть объединенным акцентуацией, мелодикой, единством уклада артикуляционных органов[7] - то есть всеми теми средствами, которые выступают во "взрослой" речи как организующие слова и предложения.

Одно из моих самых ранних воспоминаний, безусловно относящихся к возрасту до года: с наслаждением "говорю": а́ка, бя́ка, ля́ка, мя́ка, пя́ка, вя́ка и т.д. - псевдослова, не связанные ни с каким значением. Когда через некоторое время, уже начав разговаривать настоящими словами, я попыталась вспомнить и воспроизвести этот лепет, у меня ничего не получилось: сознательное слово вытеснило бессознательные речевые упражнения. Появление у псевдослова функциональной нагрузки обуславливает артикуляционную стабильность[8] "не фонема, а интонация, ритм, а затем общий звуковой рисунок слов получают в этот период семантическую нагруз-

---

[7] А.А.Леонтьев. Указ. соч., стр. 87.

[8] А.А.Леонтьев. Указ. соч., стр. 88.

ку"[9].

Возраст от 11 мес. до 1 г. А.А.Леонтьев считает переломным, потому что в это время резко увеличивается число слов активного словаря, осуществляется переход к "словесно-семантическому строю" (Н.Х.Швачкин), овладение значением слова и, что важно, взрослые усваивают "язык ребенка", начинают понимать смысл, который он вкладывает в слово и контакт ребенка и взрослого делается двусторонним. Ребенок перестает быть только принимающим и повторяющим сигналы взрослого, он участвует (пока еще по-детски, на своем "полуязыке") в двустороннем акте коммуникации. К году вся речь ребенка становится словесной.

Как отмечает А.А.Леонтьев, псевдослова (нередко двусложные) обычно хореичны. Ударения на втором слоге появляются гораздо реже и ограничиваются отдельными сочетаниями[10]. Но, как указывает автор материала, иллюстрирующего это положение, у него было мало, и относился он к тем языкам, фонетический строй которых как раз и характеризовался тяготением ударения к первому слогу слова. Если принять во внимание, что детей в это время специально учат произносить слова, а слова, которыми в состоянии оперировать ребенок в возрасте от 6 до 11 мес., это (для русского языка) ма́ма, ба́ба, па́па, де́да (специально упрощенные взрослыми и подогнанные под единственную пока для ребенка акцентологическую модель), и имена самого ребенка и окружающих, опять-таки в сокращенной форме, приспособленной для малыша. Это пока что не Ка́тенька и не Вову́сенька (что будет доступно после 1 года), а Ка́тя, Во́ва, То́ля, Ва́ля и т.д. Значит хореичность первых слов, произносимых ребенком, в том числе и псевдослов, придуманных им просто так или в искаженной форме повторяющих слово взрослого, происходит не от какой-то внутренней, заложенной в ребенке особой способности к хореическому ритму, а закономерно определяется кругом лексики, с кото-

[9] Н.Х.Швачкин. Развитие фонематического восприятия речи в раннем возрасте. - "Изв. АПН РСФСР, вып. 13. Вопросы психологии восприятия и мышления. Труды Ин-та психологии", М.-Л., 1948, стр. 103.

[10] А.А.Леонтьев. Указ. соч., стр. 87; Н.И.Жинкин. Механизм речи. М., 1958, стр. 39.

рой ребенок знакомится в первую очередь и на основе которой у него создается первое смутное представление о слове, о его акценте, о системе языка. Таковыми у Люды С. г 9 мес. были ма́ма и а́ма (есть, кушать). Но Миша С. произносил и достаточное количество ямбических псевдослов наряду с хореическими. Так, в 7 мес. среди его пока что чисто лепетных, не связанных со смыслом, слов были довольно часто повторяющиеся для-дя́, брым-брым. В 10 мес., наряду с псевдословом э́ма и словом ма́ма, употреблялось и мам-ма́м, ам-а́м – все четыре – реакция на еду и на всех родных, в 10 мес.: ня-ня́ (на руки), дан-да́н – чемодан, затем, несколько позже – ган-га́н с неясным значением (мальчуган, хулиган).

Заметим, что в трехсложных словах этого типа последний слог самый отчетливый. Он улавливается и имитируется ребенком. А безударные предыдущие заменяются у него повторением ударного.

В 11 мес. Миша С. почти правильно имитировал слова ниня́ня, ниня́ньдя (не надо) и дидя́ня (до свидания). Дж. Николсон, канадский славист, говорит, что первыми словами его девочки, начинавшей говорить на французском языке, были ямбические va-vá (la vache), ba-bal (la bal).

В 6–11 мес. звуки, произносимые ребенком, постепенно приобретают семантическую нагрузку. Пытаясь воспринять слово целиком, ребенок игнорирует отдельные "детали" его и стремится воспроизвести его общий звуковой рисунок. Принцип этот сохраняется и в течение всего второго года. Так Дима Л. в возрасте около года говорил на-на́-на – лекарство, Света В. 1 г. 8 мес.: на биби́ = на весы.

Ребенок произносит очень мало бессмысленного. Его фонетика очень тесно связана с семантикой. Лишь иногда, для шалости он начинает произносить бессмысленные сочетания. Но, когда его спрашивают, что это такое, смущается и выдает себя: либо просто шалил, либо пытался вспомнить какое-то слово, но не смог.

Нередко, произнося слово и вкладывая в него значение, понятное ему и окружающим, ребенок не произносит ни одного или почти ни одного звука, свойственного этому слову в действительности. Так, Миша С. в 1 г. 4 мес. вместо кефир говорил (к)иси́н, вместо вода – габа́, Люда С. в 1 г. вместо сыр говорила кых, Кира С. в 2 г. вместо машина говорил багина́, затем – макина́, вместо велоси-

пед - липапет, вместо селедка - люлю́тка, вместо книга - ки́ка; Шурик С. (1 г. 8 мес.) вместо картошка - кулёка. Во всех случаях сохраняется "рисунок" слова и его акцент с почти полным нетождеством звукового заполнения. Таким образом, фонетическая сторона речи в этот период весьма произвольна, и никаких фонем, даже в ленинградском понимании термина, в ней нет, хотя морфологизация отдельных элементов наблюдается довольно рано (см. ниже).

Усвоив первоначально некоторую систему звуков, ребенок ограничивается ими и долгое время игнорирует остальные звуки, которые он слышит вокруг себя. Может быть, они не нужны ему, потому что его понимают и так, может быть, он игнорирует их, как игнорирует и многие другие оттенки звучаний, тем более, что звуки, которые он не произносит, заменяются у него близкими по звучанию. Так, сонорные заменяются сонорными же: Миша С. почти до 3-х лет не произносил л; до 2-х лет заменял л через j ; выучившись в 2 г. 1 мес. произносить р, стал заменять им л. В 2 г. 5 мес. пытался заменять л через н. Недолго в качестве его заместителя выступал д. Конечное л (в глаголах прошедшего времени) он заменял через т (видимо фонема д). Фрикативные заменяются фрикативными же: ш и х не давались Мише очень долго, причем замены были самые разнообразные: Михша, М"фа, Мися; хук - нук, хук, зик. Более передняя артикуляция всех звуков у ребенка по сравнению со взрослыми, видимо, объясняется меньшими размерами ротового резонатора. Сам по себе этот факт способствует тому, что в произношении детей мягкие и твердые звуки едва ли могут иметь достаточно четкое противопоставление.

В полтора года у Миши С. были следующие типы слогов и слов:

1. Из одних гласных, которые могли повторяться дважды и трижды: а, а-а́, а-а-а́;

2. согласный + гласный: па-па́, па-па-па́, ма́ма, ба́ба, дя́дя, тётя, ня́ня (= Ля́ля);

3. слова из комбинации 1 и 2 типа: а́-ва́, а́-ва-ва́ (сова), Апа (его самоназвание), ня - мяуканье, тю-тю-тю́ - поезд;

4. согласный + гласный + согласный: дан, дан-дан, ган, ган-ган и без резупликации: бом, дин;

5. согласный + гласный + 2 согласных: папф (фотоаппарата);

6. два согласных + гласный + согласный: кран;

7. Из одних согласных: крр- красный, дрр- - звук машины.

Однако наиболее употребляемыми моделями были 2 и 3, и слова собственного изобретения бамм (пианино, играть на пианино) и ам (есть) у него скоро превратились в ба́ма и а́ма. В возрасте 2-х лет, увидев картинку с изображением пианиста, он заявил: Дя́да ба́ма.

В 1 г. 9 мес. стал говорить почти все, но по-своему, и, чтобы его понимать, надо было знать его "язык".

Ссылаясь на И.А.Сикорского, А.А.Леонтьев делит детей от 1 г. и старше на две группы: одни редуцируют слово до одного слога, другие, не редуцируя, строят его по правильной акцентно-силлабической модели[11]. Оба автора не заметили третьего, редкого, типа, который можно назвать "агглютинирующим", или смешанным. Эти дети усваивают первый (или вообще ударный) слог слова, а затем добавляют к нему свои собственные морфемы. Мне довелось наблюдать двух таких детей.

Так Щурик С. в течение всего второго года предпочитал трехсложные слова, оканчивающиеся на безударное -ика, которое было своеобразным наполнителем. Оно могло бы возникнуть из слов мамочка, бабушка, но последние вокруг него почти не употреблялись в речи взрослых.

Наоборот, взрослые пытались добиться от него формы ма́ма, ба́ба, де́да, Щу́ра, а он упрямо твердил свои мамика, бабика, дедика, тётика, А́лика.

Кира С. (с 1 г. 10 мес.) начал говорить подобным же образом. Однако его -ка и -ика наделены и некоторыми морфологическими функциями:

глагольность	падеж, отношение, принадлежность
тоника - трогаю, трогать питика - пишет, пишу	па́пука - папе ма́мука - мамино ва́йика - на улицу

[11] А.А.Леонтьев. Указ. соч., стр. 91; И.А.Сикорский. О развитии речи у детей. Собр. соч., кн. 2. Киев, 1899, стр. 143.

и просто оформление имени существительного: атобýка – автобус, талéйбука – троллейбус, гóблука – голубь, вау-вáука – собака, где нельзя заподозреть оттенка уменьшительности, хотя были у него и слова без -ка: мато́ – метро, Адéи – Андрей.

Слова мужского рода, оканчивающиеся на твердый согласный, в том числе и уменьшительные на -ик , оба мальчика также переделывали на -ика: Кира С. лобика – лобик, кáника – краник; Щурик С. Сóлика – Щурик. Но, усваивая модель на -ик, Кира С. переносил ее на слова, не имеющие к ней отношения: тáчик – трактор.

Стараясь выговорить слово очень хорошо, дети (в возрасте около двух лет) добавляют в них лишние слоги. Так Щурик С., пытаясь выговорить селёдка, говорил кукодика (прообраз селёдочка исключается, так как ему не называли уменьшительных форм, он их придумывал сам); Кира С., стараясь выговорить слово кукуруза и произнося его кукáя, чувствовал, что что-то не так, и говорил кукакаюя.

Добавочные -ка у Киры С. с 2-х лет стали служить вспомогательными элементами при построении фразы: Мема пáпука пúтика (Мама папе пишет), я пáпука пúтика (я папе пишу). Лишь подлежащее не снабжалось этим -ка – -ика.

О произносимых ребенком звуках (даже на этапе усвоения грамматики) нельзя говорить как об имеющих какие бы то ни было корреляции или оппозиции. Ребенок просто повторяет (с конца первого года уже сознательно) то, что он слышит вокруг. Слух ребенка еще очень долгое время остается нефонематичным. Так, в радиокомпозиции "Приключения Чипполино", записанной на пластинку, у артистов в ряде случаев отмечается плохая дикция. В частности, в песенке Чипполино:

Я веселый Чипполино,
Вырос я в Италии,
Там, где зреют апельсины,
И лимоны, и маслины,
Фиги и так далее.

Артистка Куприянова поет:

... И ривоны, и маслины,
тыги и так далее.

Взрослые, несмотря на речевые неточности артистки, понимают, что речь идет о лимонах и фигах, но дети (Люда С. 4 г. и Миша С. 5 л.) не хотели этого понять и неоднократно спрашивали, а что такое ривоны и тыги. Но сентенцию слоненка: "Пустите мой нос, мне больно!" артист Плятт (крокодил сдавил нос Слоненка) они воспринимали с хохотом, узнавая неверно произнесенное слово. Услышав в 2 г. 5 мес. песню про форель: "Он снял ее с улыбкой", Люда С. нашла две палочки и сказала: "Это у меня удочка, а это сулыбка, чтобы рыбку с крючка снимать".

В 4-5 лет дети так верят слышимому, что даже они знают, как произносится то или иное слово, но им его произнесли иначе, моментально перестраивают свое произношение. Так, Валя М., услышав от подружки стихотворение про Мишку: "Все равно его не брошу, потому что он хороший", выучила его вместе с ошибочным всеварно (вместо все равно), хотя сама она давно уже правильно произносила это слово. Стараясь в точности подражать учительнице (которая произносила лабиализованное л), я решила в I классе попробовать, как это произносится, и надолго утратила способность произносить правильное русское твердое л без заметной губной добавочной артикуляции.

Начиная с 4-5 лет, многие дети интересуются песнями, но воспринимают слова их очень произвольно, поскольку в потоке речи, а особенно в пении, границы слов почти не ощущаются, и основным в восприятии потока речи бывает смысловая нить. При восприятии пения эта нить часто обрывается, и ребенок в качестве слов выделяет самые произвольные речевые отрезки. Так, моя мать в возрасте 5 лет (как она вспоминала уже будучи взрослой), долгое время пыталась установить, что же означает крихмести - из песни "Раздайся крик мести народной". Игорю К. в возрасте 5 лет очень понравилась песенка про котят, которая на самом деле оказалась "Хотят ли русские войны?" Неля Н. пяти лет пела, не вдумываясь: "Человек проходит, как хозяин Необъясной родиный своей". Все это еще и еще раз доказывает нефонематичность слуха ребенка, восприятие фактов так, как они слышатся, без сопоставления с другими однокоренными словами, без соотнесения с реалиями.

Видимо, такого же происхождения и звукоподражательные слова, которые относятся к очень древним, возникшим на ранних этапах

развития человеческого общества, единицам. Но, в отличие от чистого звукоподражания, это слова, имеющие в каждом языке свою особую фонологию и морфологию и несовпадение их от языка к языку подобно неодинаковому восприятию разными детьми того, что они слышат вокруг себя. Так, при общепринятом для русского языка звукоподражательном слове му (для коровы) И.А.Бодуэн де Куртенэ считал, что коровы мычат бу[12]. Показательно, что голос козы русские воспринимают и как бе, и как ме, а собаки и ау, и вау, и ам, и ав, и ваф, и тяф. Но везде присутствует губная артикуляция и широкий гласный.

Таким образом, дети хорошо воспринимают в потоке речи те слова, которые им по многу раз повторяли взрослые. И эти-то слова и оказываются у них путеводными нитями в установлении смысла слышимой фразы. Если же во фразе преобладают слова незнакомые, дети произвольно пытаются угадать в них знакомое, и они даже специально переделывают услышанное для ясности. Так, Маня Г. 6 лет переделала в песне: "над нами просинь неба голубого" - просинь на простынь.

Миша С. 4-х лет, услышав песню про Чижика-Пыжика, который на Фонтанке водку пил [воткупил], и не зная, что такое водка, спросил, а как это можно купить вот? Когда за непослушание ему объявили, что будут его лупить, он ответил: а лу не пьют. Когда Люде С. 5-ти лет читали "Приключения Пифа", где действует малыш Нестор, она решила, что это имя следует сокращать Не, и когда про нее сказали, что она не спит, она "подтвердила": "Да, маленький Не давно спит". Составленное К.Чуковским из трех слов: мой до дыр имя умывальника Люда С. 3-х лет интерпретировала как мой Додыр, где вторая часть превращена в такое же лишенное лексического значения в русском языке, как и все прочие, имя.

Не раз отмечалась любовь детей к рифме и ритму, вот почему дети так легко слагают стихи, а, если слово не "влезает" в строчку, они его меняют, укорачивая или удлиняя, превращая в несуществующие звуковые комплексы. Так, А.А.Реформатский в возрасте 2-х сочинил свое первое стихотворение:

Девушки придут
Нагореди богорут,

---

[12] Энц. словарь Брокгауза и Эфрона, том. 41, полутом 81, стр. 532, ст. Язык и языки. СПб., 1904.

где вся вторая строка представляет собой такие несуществующие в реальном языке комплексы.

Смысл в детских стихах играет весьма второстепенную роль. Миша С. 2 г. 5 мес. сочинил:

Крокодил, крокодил
Ваше слово проглотил,
А мое оставил
И звезду поставил.

Основное здесь принадлежит мелодике, приятным сочетаниям, удовольствию от рифмы и ритма и от чувства, что можешь сочинять.

Отсутствие в языке изобретаемых ими слов не смущает детей в это время, видимо, потому, что в речи взрослых они слышат достаточное количество не понятных им слов, и их вымышленные слова – реакция на непонятные слова взрослых.

Морфология

Как отмечает А.А.Леонтьев, "по крайней мере до конца второго года мы... совершенно не сталкиваемся со сколько-нибудь заметной функциональной значимостью звука как такового, речь идет только о звуковом контуре слова в целом и о слоге"[13]. Это справедливо для всех случаев, кроме особых, наделенных морфологическим значением.

Первичная морфология появляется очень рано. Непосредственно ли работают ее механизмы: звук – морфема или именно здесь зарождается фонетическое осознание звуковой стороны, пока не вполне ясно. Во всяком случае, нередко ребенок, еще не владея фразой, уже умеет склонять слова и псевдослова и владеет навыками управления и согласования. Так, Миша С. 1 г. 8 мес. сам себя называл Апа (слово неизвестного происхождения: либо измененное хоп-па – восклицание, которое произносилось, когда его подхватывали на руки, либо в какой-то связи со словом папа). На сестру свою название Апа он распространял с неохотой, но делал совершенно четкие морфологические различия: один Апа, два Апы, пять Ап. Числительное называл взрослый, а Миша безошибочно говорил Апа в нужном падеже. Позже, когда запас слов его и сестры увеличился, у них (под руководством взрослых) создалась игра: "Один, два, пять",

[13] А.А.Леонтьев. Указ. соч., стр. 104.

при этом Миша до 7 лет безошибочно отвечал на все самые трудные случаи, а после 7 лет, когда это ему показалось слишком элементарным, стал нарочно давать неправильные ответы.

Деление слов на морфемы у детей происходит иначе, чем у взрослых, во всяком случае ни о какой научной морфологии у ребенка не может быть и речи. Морфология у ребенка более семантична и менее структурна, чем у взрослого. В основе детского восприятия лежит принцип антитезы, принцип двойственности изначального положения, подсказанный им самой природой. С первых дней жизни дети сталкиваются с понятиями

папа	мама
дедушка	бабушка
брат	сестра

Эта парность проходит у них красной нитью в основе восприятия в течение нескольких первых лет жизни.

При этом двойственность может заключать в себе антитезу:

да	нет
день	ночь
хорошо	плохо
быстро	медленно

и может не заключать антитезы:

корова	лошадь
кошка	собака

– тоже парные в детском восприятии предметы.

Поскольку мама и папа или (у самых маленьких) ма и па – слова (псевдослова), которые мыслятся как парные, эта двойственность затем переносится и на другие слова с теми же словами, в результате чего ребенок создает новые, не существующие слова:

папоротник	маморотник
мамонт	папонт
папка (для бумаги)	мапка
папироса	мамироса

Парность слов да и нет также приводит к созданию слов, понятных лишь создателям их: кабинет – кабида – другой кабинет (Миша С. 3-х лет).

"Есть основание думать, – пишет А.А.Леонтьев, – что ребенок запоминает уже готовые формы частей речи и лишь после усвоения им

известного запаса параллельных форм происходит упорядочение этого богатства и установление морфологических типов"[14].

Однако примеры показывают, что иногда это морфологизирование форм делается на очень ограниченном материале.

Поскольку в раннем возрасте ребенок знакомится с достаточно широким кругом попарно-противоположных предметов, он может не сразу обнаружить тот единственный в грамматическом плане способ отрицания, который существует в языке. Так, Н.И.Кареев описал существовавшую у его двухлетнего внука(ныне художника О.Верейского) оригинальную систему редупликации первого или ударного слога в роли отрицания. Модель, сложившаяся у ребенка на примере всего лишь двух слов: надо - не надо, распространилась и на другие, но понял он в ней не семантику частицы не, а роль редупликации. Так у него получилось пе-плачу, ле-ляд (не ряд), си-сетло (не светло), ви-волк (не волк) и т.д. В ряде случаев редуплицировался не первый слог, а слог подударный: молококо, молококо (не молока), Малилина (не Марина), упападет, упападет (не упадет). И даже усвоив семантику отрицания не, мальчик говорил иногда не Бубутуз (не Бутуз - имя собаки)[15]

Принятая в ряде языков редупликация в качестве усиления степени качества в речи русских детей мне не встречалась, хотя повторение одного слова дважды и трижды встречалось довольно часто, а Карик А. 6 лет прибегал иногда для этого к помощи числительных. Так, посмотрев новорожденную девочку, он заявил: "Она тахая черная, как черный карандаш". Потом, подумав, добавил: "Нет, как два черных карандаша!"

Принятая в ряде языков система отрицания, при которой частица не повторяется во фразе больше, чем один раз, имеет место и в детской речи. Так, видимо для усиления степени отрицания, Миша С. в возрасте 3-х лет, вместо не уходи, говорил не - у, не - хо, не - ди! А когда над ним кто-то решил подшутить и сказал: Фу, какая срамота, мальчик Миша съел кота! - он обиделся и тут же ответил: не фу, никакая не - сра, не - мота, не - мальчик, не - Миша, не - съел, не - кота. Но в обычной, неэмоциональной речи у него этот

---

[14] А.А.Леонтьев. Указ. соч., стр. 99; И.А.Бодуэн де Куртенэ. Введение в языкознание. - "Избранные труды по общему языкознанию". Т.П. М., 1963, стр. 268.

[15] Н.И.Кареев. "Удвоение" как признак отрицания (лингвистический курьез). - Изв. ОРЯС. Т. XXII, кн. 2, Петроград, 1918, стр. 256-258.

способ отрицания не был представлен. Вообще систему отрицания он усвоил достаточно хорошо к 2-м годам. Интересно, что беседуя со своей сестрой, которая была его на год младше и соответственно разговаривала лишь слогами, он легко переключался на ее язык. Так, одним из их первых диалогов были:

Она: Ди! (уходи).

Он: Не ди! (не уйду).

Однако круг отрицаний, которыми оперируют дети, все же значительно шире, чем это может быть выражено с помощью одного лишь не (ни, нет) и они еще долго значительно шире чем взрослые пользуются для этого лексическими средствами.

Так, Миша и Люда С. (6,5 и 5,5 лет) вели следующие диалоги:

Л.: Этой команде гол!

М.: А какой команде одет?

Л.: Вот конфета "Каракум"!

М.: А где "Карак-глуп"?

Когда Мише С. сказали, что он ведет себя отвратительно, он ответил: "Хоротительно!" Когда ему ставили горчичник, заявлял, что предпочитает сладчичник. Вместо молоко [малако] говорил многоко, умница - глупница.

Отрицания и антитезы одно время (2-4 года) пронизывали всю его речь: та-буретка - эта-буретка, эта-керка - та-керка, раз-бойник - два-бойник, десять-бойник, раз-бросал - два-бросал.

В 2 г. 10 мес. улицу Горького он называл улицей Сладкого, а Семашко - Шесташко. На реплику: "Не ломайся!" возразил: "А я чинюсь!", на реплику "Не молоти [малати] ногами!" - "Я многочу!", белье называл серьем, вместо варить - сырить. С 8-ми лет в основу антонимов он кладет не бинарную оппозицию, а лексическое значение основы, заменяя ее на синонимическую: полагается - покладывается.

Дети очень явственно чувствуют значение отдельных морфем, в частности, русских префиксов. Так Люда С. (3-х лет) однажды потребовала прикрывать голову кукле и прирезать кусок хлеба, что означало приделать голову кукле и сделать целым батон, от которого был отрезан ломоть. Значит она ясно ощущала антитезу при и от(о). Вместо проснулся в 2 г. 9 мес. она говорила отскул, вместо выбрался - отстрял. Тогда же придумала слово отласкаться как антоним приласкаться.

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
Институт русского языка
Институт языкознания
Институт языкознания АН СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Она же в 4 года по-своему переделала только что услышанную ею известную песню про то, как у попа была собака. Характерно, что ради последовательности переделки все события она начала излагать с конца: собака вырылась из земли, присилась и снова прибежала к попу. Она же создавала новые слова с помощью сложных приставок: я приотошла немного назад (4 г.); я принадену немножко носок, а потом буду его натягивать (7 л.). От одной малообразованной женщины я слышала глагол подовторить в значении немножко повторить (уроки). У Люды подобная префиксация особенно ярко выступает, когда она хочет передать значение малой степени: Сейчас мам немножко подспустится. Как противоположность слову издохнет она придумала раздохнет, в противоположность наказан - сказан (т.е. прощен), привет - увет (порицание) (4 г.). В 7 л. она вполне закономерно под влиянием формы облаять заявила: Меня кошка обмяукала. Миша С. шел в изменении слов на части и в комбинировании отдельных частей еще дальше. Из сопоставления слов паровоз /пара/воз и поросенок /пара/сенок и наличия ряда тепловоз, электровоз он образовал второй ряд: теплосенок, электросенок.

Когда Лиде В. (4 г.) рассказали, что мы дышим кислородом, она через некоторое время, вспоминая об этом, сказала: дыхлород.

Детей не смущает, есть такое слово или нет. В раннем возрасте они сами придумывают слова из известных им слогов, группируя их различным образом. Так, Миша С. в 1 г. 4 мес. придумал слово макака и был очень рад, когда ему показали это животное на картинке.

Очевидно, в более старшем возрасте дети уже сознательно придумывают слова из известных морфем. Так, зная слова электричество и электричка (поезд), Миша С. и Люда С. в возрасте 3-4 г. придумали слово электрича и называли им палку, которой тыкали друг в друга, приговаривая "Сейчас я тебя поэлектричу", что означало нечто вроде "заведу", подобно тому как заводят механические игрушки.

Миша С. 5 лет воткнул сковородник в штепсельную розетку. Посыпались искры, и свет погас. Он сказал: "Ну вот, все искры высыпались, весь ток вышел, и света больше нет". В ответ на это Люда С. 4 лет сказала, что на электростанции в бунгере сделают новый ток. Она едва ли имеет минимальное представление об электростанциях и

бункерах, не имеющих к ним отношения. Но слово бунгер, неизвестно откуда подхваченное, продолжает употреблять, настаивая на том, что такое слово есть.

Оформление слова как определенной части речи приобретает у ребенка большое значение. Так, Кира С. до 2-х лет называл собаку звукоподражательным вау-вау, а с 2-х лет зовет ее вау-ваука.

Люда С. к году усвоила многие глаголы в форме инфинитива, видимо, потому, что именно в инфинитиве слышала их чаще всего: давай хотить, спать и т.д. Она говорила: адить (ходить), сесть, влезть, слезть, встать, играть, а иногда употребляла даже два инфинитива: надать амать, то есть надо есть - собственного изобретения инфинитив надать (из надо).

Глагольные виды у детей могут быть самые произвольные: я едула кровать то есть подвинула (кровать на колесиках), отнасывать, опускивать письмо и т.д. (Люда С. 3 г.).

У детей наблюдается необыкновенная легкость превращений одной части речи в другую. Так, Люда С. 7 лет: я майку запесочила. Тогда же она бросила: Пойдем в пиф-пафню (т.е. в тир). В 6 л. Люда С. заявила: "Не хочу я лингвистничать. Мне бы турецкий язык выучить". Про девочку, которая делает первые шаги, она сказала: "Она была первошагунья".

Петя П (5 л. 5 мес.) придумал слово аквалеристы (= акваланги-сты) ср. кавалеристы, акварелисты.

Миша С. в 8 лет образовал слово полторанадцать - т.е. 11,5 по аналогии с полтора. Люда С. в 6 лет, считая во втором десятке, образовала форму десятнадцать. В картах Миша С. в 3,5 года, наряду с пятерками и шестерками, выделял тритерки, девятерки и десятерки, Люда С. в 5 лет десёрки.

Люда С. в 6 лет, услышав слово картотека - место, где мама держит карточки, сказала, что зоопарк - это зверотека. Тогда же, увидев в зоопарке пони, сказала, что если кони живут в конюшне, то пони - в понюшне.

Увидев меня за шитьем, она сказала: Шивчая мама (5,5 лет). В 7 лет она спросила: А вскольким мы туда пойдем? В одном?

Миша С., начиная с 6 лет, и Люда С. - с 5 легко образовывали особые глагольные формы: "Разбойники поехали грабить богатых купцов: граб! граб! граб!" - делают хватательные движения. Я: "Не

играйте у железной дороги!". Они подскакивают к рельсам и говорят: "Игр! Игр! Игр!" Надпись на платформе: "Не стойте близко от края! Не рискуйте!" Миша подходит к краю и говорит: "Риск! Риск! Риск!" Эти конструкции у них остаются в течение нескольких лет в активе: "Змея кус! и укусила". Оботри ноги! оботри, оботр (абáтр, абáтр / Сполосни руки! Споласк! Споласк! Обмой руки Обм! абм! абм!).

Возвращаясь к полемике А.А.Реформатского с А.В.Исаченко относительно глагольных форм типа хлоп[16], отметим значительно большее число их в детской речи по сравнению со взрослой, где они сводятся к ограниченному числу форм, сопоставимых с глаголами, обозначающими резкие звуки и стремительные движения. У детей же они могут быть образованы от любого глагола. Прочитавший приведенные выше примеры Миша С. 8 лет тут же придумал еще: Нарежь хлеба! Нарез! Нарез, нарез! с совершенно закономерными чередованиями фонем, свидетельствующим о том, что подобные формы он производит от инфинитива. Эти девербативы, образованные путем дезаффиксации инфинитивов, носят у детей иной характер, нежели глаголы типа хлоп в указанной полемике. Они, как и глаголы типа хлоп в интерпретации А.А.Реформатского, вовлечены в видовую парадигму, но выражают отнюдь не ультрамгновенный, или моментальный, однократный подвид совершенного вида, а длительный, продолжительный подвид несовершенного, как бы иллюстрирующий действие, выраженное финитной формой глагола. Аналогию этому можно усмотреть в английском continuous . В речи детей это действительно звуковые жесты" (А.В.Исаченко), выраженные средствами нормальной, а не экстранормальной фонетики, тем более, что в описанных ситуациях они всегда связаны с интонацией (граб! граб! граб!). Их соотношение с длительным подвидом подчеркивается тем, что слова эти не употребляются единожды, а повторяются, как правило 2-3 раза. Функционально они сближаются с междометиями: выступают как эквиваленты предложения, не будучи членами предложения, и не имеют форм словоизменения. Морфологически они, подобно истинным междометиям, нулевые, а синтаксически объединяют в себе и подлежащее, и сказуемое и обозначают процесс,

[16] А.А.Реформатский. Глагольные формы типа хлоп. - "Известия АН СССР ОЛЯ" 1963, т. XXII, вып. 2; А.В.Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Братислава, 1960, т. 2.

как бы являясь одновременно и глаголом, и существительным. Эти слова предложения не транспонируются в структурную модель повествовательного предложения. Но сказуемостными междометиями их нельзя назвать из-за их значительной субстантивности. Это скорее имена процессов, имеющие значение вида и совершаемости, могущие заменять сказуемостную форму любого глагола, нежели просто междометия.

По своему образованию (путем дезаффиксации) они сближаются с существительными, принятыми, например, в спортивной терминологии: сед, вис, кач, завес, разгиб, мах, замах, скок, жим и т.д. Но в спортивной терминологии слова эти значительно более субстантивны, а в детской речи - более процессуальны, вербальны.

Сравним спортивный термин кач с детским: Она качалась на качелях: кач! кач! Первый легко входит в состав предложения: На каче впереди мах дугой и соскок. Второй непременно сопряжен с интонацией и изображает действие в процессе развития, в то время как первое лишь называет процесс, а такие термины как прогиб или сед даже констатируют результат определенного процесса. Инкорпорированные в детское предложение, эти слова становятся аналогичными описанному А.А.Реформатским слову хлоп: Ляда кач! Таня бах! Таким образом оказывается, что маленькие девербативы потенциально заключают в себе черты разных частей речи, и в разных ситуациях развиваются своим особым путем.

Детям характерно регулярное словообразование и словоизменение: вставаешь, полоскаешь, даваешь.

Интересно, что и от взрослых, уроженцев юга, я слышала формы давают и продавают. Люда С. (2 г. 6 мес. говорила они сплют; 2 г. 5 мес. писальный стол. Тогда же: Вытри ложки! - Вытрилля.

Миша С. в 2,5 г. образовал слово зверун как мужской род к зверушка. Ср. существующее в просторечии балерун как мужское к балерина. К слову девица он подобрал эквивалент мужского рода девик, а к слову питон в 5 лет форму женского рода - питоница.

Миша С. в 2 года говорил: молотока, чулоки, папа и мама-человеки.

Он же к 3 г., усвоив выпадение о в конечном -ок, говорил Владивосток - Владивостка.

От 3-х до 5-ти лет он говорил лигу, облигу от лизать, очевидно, по аналогии с лежать - лягу.

Лида С. даже в 6 и 7 лет склоняла Дон-Кихот (Донкий ход) Донкого хода. В 2 г. 7 мес. она склоняла Мой Додыр, Моего Додыра, и на реплику брата: "Ты Мойдодыр!" возразила: "Нет, я не твой Додыр, я ничей Додыр!"

В различного рода дериватах дети чувствуют значение суффикса -к-а. Однако распознают его не всегда так, как взрослые. Так, Миша и Люда С. (4-х и 5-ти лет) твердо зная, что формы на -к-а грубы (Мишка, Людка), предпочитали говорить не собака, а соба, не кошка, а коша, не этажерка, а этажера, не табуретка, а табурета.

Таким образом вся морфология детей, словоизменительная и словообразовательная более вещественна и конкретна, чем у взрослых, более регулярна и в то же время более разнообразна.

Семантика

Первоначальное познание вещей для детей элементарно просто. Ребенок 2-3 лет, увидев новый предмет, спрашивает, что это? И после того, как взрослый назовет этот предмет тем или иным словом, процесс познания ребенок считает для себя законченным. Он знает, что это такое.

Лишь значительно позже, в 4-6 лет, при знакомстве с новым предметом ребенок не ограничивается одним лишь усвоением его названия, а задает и следующий вопрос: "А что им делают?", "А для чего он нужен?" И лишь еще позже, после 7 лет, ребенок спрашивает: "Из чего сделан этот предмет?" Так постепенно разрозненные предметы встают у него в систему.

Первые слова ребенка соответствуют предложениям-квантам.

В первом полугодии второго года жизни, т.е. почти все время существования "первослов", единственным "суждением" ребенка является "именное суждение". Ребенок на все вопросы отвечает только названием предметов. Переход к суждениям другого типа совпадает с переходом к двухсловному предложению[17].

Первичная семантика сказывается у ребенка очень рано, как только его псевдослово получает функциональную нагрузку - н'а - реакция на кормление и сигнал о голоде (А.А.Леонтьев). Шаг впе-

[17] А.А.Леонтьев. Указ. соч., стр. 119.

ред появляется в возрасте около года, когда ребенок, постепенно овладевая значением слова, начинает обобщать звуки, образующие слова. У ребенка формируется слово как "строевая психолингвистическая единица" (А.А.Леонтьев) и он получает возможность замещать одним словом большое количество явлений и предметов, в действительности друг с другом не связанных.

Полисемантизм первых слов объясняется тем, что они обобщают пока что не на понятийной основе, а на основе чисто внешнего сходства (предметного, аффективного, функционального): ууу - автомобиль и поезд[18].

Так, получив возможность обобщать ребенок распространяет одно слово слишком далеко. У Люды С. ниняня (не надо) обозначало также "на, возьми!"

Метафора по сходству, очевидно, имеет очень глубокие корни. Незнакомый предмет, если он чем-либо напоминает предмет знакомый, называется словом, обозначающим последний. Это давно известно из топонимии, где отдельные черты рельефа называются словами, обозначающими части тела человека или животного, детали одежды: грива, коса, хвост, нос, хребет, рог, рукав и т.д.

Этот извечный процесс свойственен ребенку. Люда С. до 3-х лет не видела козы. И вот, увидев ее на лужайке, она удивилась: "Мама, смотри, собака траву ест!"

Катя и Вера М. (5 и 6 лет) не знали, как называются икры ног. Спросили у матери, а та - тоже не знала. По сходству формы они моментально выдумали название: бутылки и сказали: "Мама, смотри, мы все бутылки забрызгали". А когда мать усомнилась, воспользовавшись ее незнанием, они еще более уверились в своей правоте.

Света С. 3 лет, впервые увидев ракетки, сказала, что это такие лопатки. Света С. (2,5 г.), набегавшись по песку, заявила, что у нее... в туфлях сахар. Ассоциация сахар-песок, сложившаяся от того, что песком ей сахарили кефир, привела к стиранию грани между этими словами.

Посолить что-нибудь сахаром просят многие дети. Как рассказывают, я в 1 г. 8 мес., впервые увидав арбуз, решила, что это мячик, и бросила его об пол.

Ошибки и неточности здесь бесконечны, но суть одна: ребенок

---

[18] А.А.Леонтьев. Указ. соч., стр. 167-168.

научился активно именовать предметы, заниматься номинацией.

Случайные ассоциации по случайному сходству приводят к необычной фразеологии, к объединению в одной синтагме слов, несовместимых во взрослой речи. Так, Миша С. 2 л. требовал "нашлепать мячик" (бить, чтобы подпрыгивал), "заводить шкаф, дверь" (отпирать ключом). В 4 г. он сказал: "Папироса кипит, пар идет". Люда С. в 4 г. 6 мес., увидев ремонтные работы на дороге, сказала: "Дядя землю починил".

Дети ищут понятного в непонятном, как и взрослые склонны этимологизировать неясные слова. Например, Миша С. (4 г.) и Люда С. (3 г.) назвали бассейн для плавания и купания - купасейн.

Услышав о том, что есть на свете лук порей, Люда С. (5 л.) заявила; "Без этого лука людям жизни нет. Он пар делает и их согревает".

Живя вблизи железной дороги, где ходит поезд Москва - Череповец, Люда С. (5,5 л.) заявила, что ей нужна черепаха, чтобы посадить в этот поезд.

Сложив двух шахматных коней основаниями друг к другу, Люда С. 5 л. сказала, что это карточный конь. Проделав то же самое с пешками, она назвала эту фигуру карточной пешкой.

Не зная, как называются шатуны у паровоза, Люда С. (6 л.) назвала их шевелены, затем бегуны.

Увидев яйцо с очень ярким, оранжевым желтком, она отказалась назвать его желтком и сказала оранжевок (6 л.). Счетные палочки, которые ей очень нравились, она называла "ненаглядные пособия", не улавливая разницы между этим употреблением и словом ненаглядный в значении "милый", "хороший".

Своеобразно восприятие ребенком собственных имен. Услышав фамилию Горшков, Миша С. (6 л.) заявил: "Плохо, что Горшков!" Узнав, что фамилия их приятеля Попов, Миша и Люда (7 и 6 л.) рассмеялись и принялись дразнить его, хлопая себя по заду.

Имеющая хождение в ономастике теория "уж так назвали"[19] уходит своими корнями в детскую речь, поскольку стихийно присуща человеку.

[19] O.Funke. Zur Definition des Begriffes "Eigenname". - "Probleme der englischen Sprache und Kultur. Festschrift für Johannes Hoops". Heidelberg. 1952, S. 76; A. Marty. Untersuchungen zur Grundlegung der Allgemeine Grammatik und Sprachphilosophie. Halle. 1908, S. 438, 509.

Вспомним немецкую сказку о кошке, которая бегала есть сало из горшочка, а мышке говорила, что на крестины, и называла при этом имена Початочек, Середочка, Остаточек, Поскребышек или русскую сказку о Лисе-Повитухе, которая бегала есть мед, а медведю называла те же имена. Когда мышка (или, соответственно, медведь) удивлялись по поводу странного имени, кошка (лиса) отвечала "Уж так назвали!".

Люда С. (7,5 лет) решила, что она пони Рыжуха. На возражение, что кофта у нее зеленая, а волосы темные, что ей лучше быть Чернухой или Зеленухой, она ответила: "Нет, Рыжуха, уж так назвали - значит Рыжуха".

Наивные этимологии звучат для детей почти в каждом имени: Маша машет, Катя катит, катает, Дуся дует (Миша С. 5 лет, Люда С. 4 г.). Возможно на таком же детском восприятии построена детская книжка об именах:

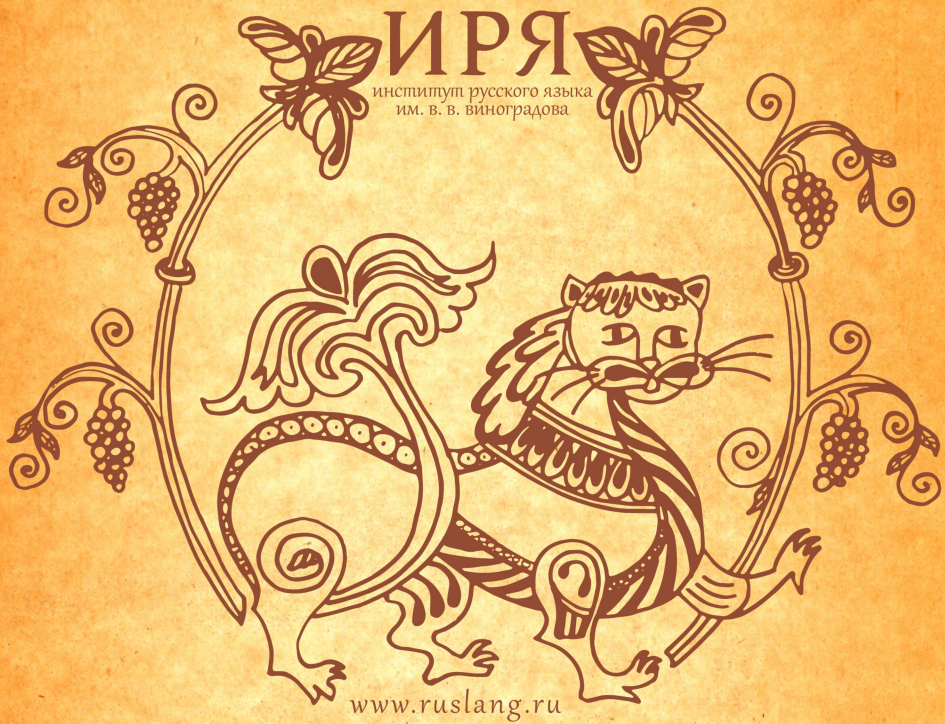
Маня манит,
Света светит,
Тоня тонет,
Коля колет,
Валя валит,
Соня спит.

Др. Лена ленится (мое детское восприятие этого имени), Тома томится, Люба любит, Боря борется, Мая мается, Вера верит. Фамилию Поливанов Миша С. 8 лет объяснял так: "Он все поливает".

Так одни понятия у ребенка распространяются на другие, а старые ассоциации порождают новые. Ребенок все время усваивает модели: сначала фонетические (слоги с определенными инициалями и финалями), затем акцентологические (хореическая, ямбическая, позже - другие), морфологические.

Система детского языка отличается примитивностью и неустойчивостью. Она все время видоизменяется, совершенствуется, усложняется. Составляющие ее подсистемы все время переоцениваются.

Библиотека
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ
АН СССР

АІ3402 от 10.09.75 г. 17,5 п.л. 190 экз. Зак. 910

Тип. МГПИИЯ

Бесплатно